

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОМИНАНТАХ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ С ОПОСРЕДОВАННО ВЫДЕЛЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ КОМПОНЕНТОВ

А. М. ГРЕБНЕВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

Е. С. РУСЬКИНА,

*научный сотрудник редакционно-издательского отдела
ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»
(г. Саранск, РФ)*

Академик В. В. Виноградов последовательно отстаивал идею о том, что словосочетание относится к номинативным средствам языка [2, 38]. Под термином «номинант», или «лексикализованное сочетание», нами понимается образование, состоящее из нескольких основ, которые, представляя собой семантический сплав, в соответствии с законом «взаимосцепляемости» выступают в виде единого структурного целого и эквивалентны слову.

Исследовать в лексике системные отношения – значит рассмотреть вопросы состава и отношения элементов внутри тематических и лексико-семантических групп, вопросы варьирования, семантических и экспрессивно-стилистических связей, которые проявляются в синонимии, омонимии, а также в отношениях общего и частного в различных сферах употребления.

Как подчеркивает Ф. П. Сорокалетов, «в лексике диалекта отмечаются широко развитая синонимия, антонимия, полисемия, формальное варьирование слова и другие явления, характеризующие словарный состав как систему. В словарном составе диалекта функционируют целые тематические и лексико-семантические группы, пронизанные различными видами системных отношений. Охватывающие весь лексический состав парадигматические и синтагматические отношения, так же как и другие виды системных отношений, отчетливее всего проявляются как раз в этих группировках

лексического состава, которые выделяются на основе различных связей слов, входящих в них» [13, 14–56]. Лексико-семантическую группу он предлагает считать своеобразной микросистемой, а словарь диалекта в целом – системой большего порядка, объединяющей несколько микросистем, которые взаимодействуют друг с другом, противопоставляются друг другу. Сложность и многообразие этих отношений и составляют во многом суть системных отношений лексикализованных, или номинативных, сочетаний [13, 14–56].

Ученые филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева на протяжении нескольких десятилетий ведут работу по сбору диалектного материала, систематически участвуя в лингвистических экспедициях в места компактного проживания мордвы – мокши и эрзи – как в Республике Мордовия, так и за ее пределами. Ими накоплен богатейший лексический материал, который нашел отражение в ряде публикаций. В частности, профессором Р. Н. Бузаковой подготовлен словарь «Тикшень валкс = Названия трав (на эрзянском языке)» [1], а профессором О. Е. Поляковым – «Касыксонь валкс: Шуфтонь, кусторксонь, тишень и пангонь лепне мокшень кяльса = Названия деревьев, кустарников, трав и грибов на мокшанском языке» [9], которые позднее вошли в словарные статьи мордовско-русских словарей с элементами толкования, вышедших в свет в издательстве «Русский язык» под

общей редакцией члена-корреспондента РАН Б. А. Серебренникова «Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь» [17] и «Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь» [8].

Однако собранного материала явно недостаточно для изучения диалектной лексики эрзянского и мокшанского языков ввиду того, что зоной проживания эрзян и мокшан является вся территории России – это Пензенская, Самарская, Оренбургская, Тюменская, Ульяновская области, республики Чувашия, Башкортостан, Татарстан и др. Необходимы более тщательный сбор и изучение всего лексического материала, а также его фонетических, морфологических и синтаксических особенностей. Недостаточная изученность лексического фонда затрудняет работу над созданием лексико-семантической классификации слов эрзянского и мокшанского языков, что требует широкого развертывания теоретических исследований в общемордовском лингвистическом плане.

Известно, что системный анализ лексики любого языка – одна из главнейших задач современной лингвистики. В орбиту ее рассмотрения включаются проблемы этимологии, семасиологии, ономасиологии, словообразования и др.

Цель данной статьи – раскрыть некоторые лексико-семантические группы номинантов мордовских языков и, по возможности, структурно-семантические отношения в них. В ее основу положены материалы словарей и полевые записи авторов, осуществившиеся по специально составленной программе с учетом тематических групп лексики эрзянского и мокшанского языков. Записи были сделаны как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами. Информантами в каждом конкретном населенном пункте становились в первую очередь учителя-биологи, словесники или просто знатоки интересующего нас лексического континуума, соприкасающиеся по роду деятельности с тем или иным объектом.

По словам А. А. Уфимцевой, «в родном языке человек, свободно владеющий им, произносит слова и воспринимает значение слов, не замечая их материальной формы

как чего-то автономного, отдельного; как раз наоборот, форма словесного знака в нашем сознании тесно связана с его значением, поэтому они запечатлеваются как единое целое, так что, являясь основным компонентом в акте, пользуясь словом, мы совершенно не задумываемся над формой знака при становлении словесного знака. И в то же время форма знака при становлении словесного знака является основным компонентом в акте знакообразования, выполняя роль означаемой основы наименования, являясь материальным носителем расчлененных идеальных сущностей, представлений, понятий, их отдельных признаков» [15, 53]. Следовательно, делает вывод А. А. Уфимцева, словесный знак как никакой другой представляет собой такое «знаковое выражение, обозначающее определенный элемент опыта, которое, будучи созданным и социально принятым, живет тысячи лет, при этом форма словесного знака, отчасти меняясь, является той постоянной, инвариантной основой, которая помогает обеспечивать ему синхронное и историческое тождество» [15, 53].

В мордовских языках и их диалектах очень часто встречается несколько вариантов того или иного номинанта. Данную мысль можно проиллюстрировать на примере денотата «папоротник». В эрзянском и мокшанском литературных языках представлены следующие номинанты с этим значением: э.л. *верьгизэнь пазава* (букв.: волчья-икона); м.л. *вириявань руця* (букв.: богини-леса-платок) и *карёлкк* (букв.: лапоть-низ). Им соответствуют диалектные варианты: э.д. *vir'avan' sur'c'amo* (Дрк.) (букв.: богини-леса-гребень), *k'epd'an t'ikše* (Клс.) (букв.: поднимаю-траву), *kavol lopa* (Б.Мрс., Шгр.) (букв.: ковыль-лист), *saraz pr'a* (Врм.) (букв.: курица-голова), *kal'ar'g'e t'ikše* (Прм.) (букв.: ива-бусина-траву); м.д. *kar'olks t'iše* (Ст.Шл.) (букв.: лапоть-низ-траву), *kar'olgə* (Шгв.) (букв.: лапоть-солома), *vir'en' ruc'aš* (Крг.) (букв.: леса-платок) и др.

Легко убедиться, что в приведенных вариантах реализуются различные семантические модели. В некоторых случаях основой названия служит мифологический образ. Так, м.л. *вириявань руця* произошло от име-

ни богини леса Вирявы. В других случаях для номинации выбирается такой семантический признак, как форма листа или соцветия растения: э.д. *saraz pr'a* (лист похож на куриную голову) или *kal'ar'g'e t'ikše* (соцветие похоже на бусину), где явствует об-разная номинация.

Проблема структурно-семантических отношений в лексикализованных сочетаниях мордовских языков частично уже поднималась в работе А. М. Гребневой [4]. По мнению исследователя, компоненты в номинантах образуют сложную структуру: смысловую, логическую, семантическую и др., – которая, в свою очередь, требует их рассмотрения с позиций мотивированности-немотивированности и т. д. При этом мотивированность компонентов в номинантах связана с ассоциативным, психологическим восприятием их природы, что обеспечивается их денотативным значением.

С. Д. Кацнельсон подчеркивает, что «в уме человека, в кладовой его памяти, понятия хранятся в двояком виде: как содержательные понятия, охватывающие всю сумму знаний человека о данном предмете, и как формальные дубликаты, тесно связанные со значениями слов. Содержательные понятия хранятся в “свернутом” виде, и без нужды мы не обращаемся к ним. Не к чему ворочать целые глыбы и при каждом упоминании о предмете мобилизовать весь наш запас сведений о нем. При обычных условиях достаточно оперировать словом как носителем формального понятия, не затрагивая мысль излишними деталями» [7, 23]. В условиях же исследования, продолжим мысль ученого, эти детали приобретают особый смысл.

Мотивированные лексикализованные сочетания отличаются тем, что в них свободно выделяются полнозначные компоненты. Приведем примеры таких номинантов, распределив их по лексико-семантическим группам.

1. Номинанты, относящиеся к миконимической лексике: э.л. *килей панго* (ЭРВ) «подберезовик» (букв.: береза-гриб), *пой панго* (ЭРВ) «груздь осиновый» (букв.: осина-гриб), *наволо панго* (ЭРВ) «масленок» (букв.: скользкий-гриб), э.д. *luga pango* (Па-

асонен) «дождевик (гриб)» (букв.: луг-гриб), *aša gr'ib* (Шрм.) ≈ *aša gr'iba* (Ддн.) «белый гриб» (букв.: белый-гриб); м.л. *тума панга* (МРВ) «груздь черный» (букв.: дуб-гриб), *акша панга* (МРВ) «белый гриб» (букв.: белый-гриб).

2. Номинанты, имеющие отношение к ягодной флоре. В своей предыдущей работе, посвященной данной тематической группе, А. М. Гребнева уделила особое внимание вопросам происхождения, семантики и диалектной синонимии подобных номинантов [3]. В частности, она отмечает, что в эрзянских диалектах название земляники (э.л. *кстый*) имеет следующие варианты: э.д. *mastor umar'* (Чкл.) (букв.: земля-яблоко), *mastor jaguda* (Клв.) (букв.: земля-ягода). В мокшанском языке, а также в диалектах название сохранено в форме *кистай* ~ *кистуй* ~ *ксти*, которая относится к прамордовскому периоду [3, 53–57]. Добавим, что эта форма выступает вторым компонентом в номинанте м.д. *p'ičen'gs't'i* «черника» (букв.: сосна-земляника) в говоре н. п. Подгорные Селищи Zubovo-Полянского района РМ.

Приведем примеры наименований других ягод. Ежевика: э.л. *ведьинзей* (ЭРВ) (букв.: вода-малина), э.д. *moda in'z'ej* (Мл.) (букв.: земля-малина), *ravža in'ej* (Ч.Прмз.) (букв.: черная-малина); м.л. *лакутмарь* (МРВ) (букв.: трещать-яблоко), м.д. *jaks't'ar' mar'* (Всл.) (букв.: красное-яблоко), *lokšt'emar'* (В.Снч.) (букв.: трещать-яблоко). Брусника: э.л. *тичеумарь* (ЭРВ) (букв.: сосна-яблоко); м.л. *пичень ксты* (МРВ) (букв.: сосны-земляника), м.д. *кодоркс мар'* (во многих говорах) (букв.: связка-ягода). Клюква: э.л. *чейумарь* (ЭРВ) (букв.: осока-яблоко), м.л. *шаймарь* (МРВ) (букв.: осока-ягода).

3. Номинанты, имеющие отношение к травянистой флоре. В мордовских языках начало терминообразования данной тематической группы положено А. М. Гребневой. Ею в соавторстве с кандидатом биологических наук В. В. Лещанкиной был подготовлен терминологический «Русско-эрзянский ботанический словарь (названия сосудистых)» (2002). Но из-за отсутствия фактического материала из мест компактного проживания эрзи и мокши за пределами Республики Мордовия, а также из некоторых районов РМ проблема

полного охвата диалектных корреспонденций остается актуальной.

Приведем примеры: э.л. *розь потмонь цеця* «живокость полевая» (ЭРВ) (букв.: рожь-внутренности-цветок), э.д. *sən'br'a* (Отр., Б.Мрс., Рмз.) «живокость полевая» (букв.: синья-голова), *pultič'a t'ikše* (Кбв.) «крапива жгучая» (букв.: жгучая-трава), *p'ed'agaj t'ikše* (Пкс.) «крапива жгучая» (букв.: прилипучая-трава), *d'evica c'vetka* (К.Брд.) «герань» (букв.: девушка-цветок); м.л. *шапама тише* (МРВ) «череда трехраздельная» (букв.: кислая-трава), *вармань тише* (МРВ) «ветреница дубравная» (букв.: ветра-трава), м.д. *маень ксты* (Поляков) «майник двулистный» (букв.: майская-ягода), *s'epi t'iše* (Кжл.) «цмин песчаный» (букв.: горькая-трава); *s'en'em pr'a pančf* (Млш.) «колокольчик» (букв.: синья-голова-цветок), *ker'i t'iše* (М.Мск.) «крапива жгучая» (букв.: режущая-трава) и др.

Интересно сопоставить номинанты м.л. *вармань тише* (МРВ) «перекати-поле» (букв.: ветра-трава), где четко выражены элементы, и э.л. *вармань крандаз* (букв.: ветра-телега) с тем же значением, но образованным метафорическим путем. В рассматриваемых языках сохранена древняя финно-угорская форма слова *варма* «ветер» (ср.: эст. *varmas* «проворный», мар. *вашке* «быстро»), относительно второго компонента *крандаз* «телега» за основу нами взято мнение О. Н. Трубачева о том, что он проник из балтийских языков (ср.: лит. *krantas* «берег; крутой») [14]. Подобных образований в эрзянских и мокшанских говорах множество, и задача авторов в следующих работах – проанализировать и описать их.

Относительно других финно-угорских языков следует заметить, что вопросы флористической лексики в коми языке довольно подробно освещены в трудах А. Н. Ракина [10; 11], в марийском – в работе А. С. Ефремова [6] и др.

4. Номинанты, относящиеся к огородным и сельскохозяйственным культурам, в мордовских языках и их диалектах говорят о одновременном появлении этих видов растений в жизни мордвы и различных путях их проникновения. Безусловно, такой путь дает возможность проник-

новения наименований из других языков. В целом создание номинантов данной группы относится к периоду самостоятельного развития мордовских языков. Проиллюстрируем это на примере наименований брюквы, внутренняя форма которых связана со словом *ламбамо* «сладкий»: э.л. *ламбамо кишумань* (ЭРВ) (букв.: сладкая-редька), м.л. *ламбама ряпс* (букв.: сладкая-репа). В н.п. Клявлино Клявлинского района Самарской области зафиксирован вариант *lambakaj* (Клв.). В говорах обоих мордовских языков обнаруживаются разные территориальные варианты номинанта «картофель»: *modar'ka* (Чкл., Дрк., Клвд.), *modar'ks* (Игн.), *modir'ka* (Рнд.), *mar'* (В.Слщ.), в ряде сел вместо собственно мордовского наименования употребляется заимствованный из русского языка: э.д. *karška/karčka*, м.д. *kartof/kartuka*, а также из чувашского: э.д. *purskoj* (Тмш.) и др. Фонетические варианты говорят о том, что они проникли из разных русских говоров. Сохранившийся в мордовских литературных языках вариант *модамарь* является результатом сращения двух компонентов: *мода* «земля» + *марь* «плод, яблоко, ягода». Примером подобного образования служит и наименование конопляного семени: э.л. *кансёро* (ЭРВ), м.л. *кансер* (МРВ), образованное путем сращения компонентов *кан-* (< *кансть* «конопля») + *сюро* «злак, зерно». Подчеркнем, что в ряде мокшанских говоров значение слова *kan'z'əra ~ kan'd'ər* переосмыслено: так называется не только конопляное семя, но и само растение. В говоре н. п. Новая Пырма Кочкуровского района РМ в качестве наименования конопляного семени выступает номинант *mušku s'al'g'e* (букв.: кудель-комок).

Данную тематическую группу довольно активно обогатили заимствования из русского языка: фасоль, укроп, мак, капуста, морковь, помидор и др. Их проникновение в мордовские языки произошло на разных этапах.

Полезные и ядовитые свойства растений отражены в их наименованиях в языках разных народов. Это подчеркивает в своем исследовании «Названия растений в татарском литературном языке» Г. Г. Саберова. Исследователь очень тонко подметила, что «для того, чтобы узнать, какая трава полезная, а какая ядовитая, нужно было долгое наблюдение над

природой», и привела такие примеры: *бодай* «пшеница» – *тиле бодай* «плевел», *торма* «редька» – *тиле торма* «редька дикая», *солы* «овес» – *кара солы* «овсюг» и др. [12, 76].

Подобное явление наблюдается и в мордовских языках, причем среди таких номинантов нередко встречаются варианты с метафорическим и пейоративным значением. Трава-дурман: э.л. *дурак тикши*, э.д. *urmaza t'ikše* (Прм.) (букв.: дурная-трава), *sarazon' gulovtoma* (Клс.) (букв.: курицы-умешвление); м.д. *pel'as pin'en't'iše* (Л.Цбв., Сял.) (букв.: боязнь-собака-трава), м.д. *pel'ema t'iše* (Сзг.) (букв.: боязнь-трава). Подорожник: э.л. *тувонар*, э.д. *верень лоткафтума тикши* (Евсевьев) (букв.: крови-останавливание-трава), *c'ir'ij lopa* (во многих говорах) (букв.: фурункул-трава), *ver'in' bot'i* (Отр., Клм.); м.л. *вердиши* (букв.: кровь-трава), *вер лоткафты тикши* (кровь-останавливает-трава), м.д. *v'er' šokši lopa* (во многих говорах) (букв.: кровь-останавливает-трава).

5. Номинанты, которые обозначают лиц по роду занятий, профессий, функционирующие в виде следующей конструкции: первый – оформлен в форме генитива, а второй является причастием, например: э.л. *калмонь чувия* (ЭРВ) «могильщик» (букв.: могилы-роющий), *каитомонь вачкиця* (ЭРВ) «печник» (букв.: печи-складывающий), *парень теця* (ЭРВ) «бондарь» (букв.: кадушки-изготавливающий); м.л. *калмонь шuvi* (МРВ) «могильщик» (букв.: могилы-роющий), *парень тиш* (МРВ) «бондарь» (букв.: кадушки-изготавливающий).

Любопытно отметить, что подобного рода отношения наблюдаются в марийском, эстонском, коми языках, например: эст. *hauakaevaja* «могильщик», *pottsep* «печник»; мар. *шыгарым кянчышци* «могильщик», *конга оптышци*

«печник», *печке(м) ыштыше* «бондарь»; к. *зукодйысь* «могильщик», *пач тэчысь* «печник» и т. д. Первичность возникновения таких образований в прафинно-угорском языке отмечается многими исследователями. По словам Е. А. Цыпанова, в коми языке «причастия, образованные от глаголов конкретного действия, представлены очень широко... и являются наиболее частотной семантической группой причастия» [16, 84]. Полагаем, что относительно второго компонента ученый прав и в силу закона «взаимосцепляемости» подобные образования в финно-угорских языках, в частности мордовском, без преувеличения можно отнести к самостоятельным номинантам.

6. Орнитонимические наименования. Заметим, что мотивацию удастся выявить далеко не во всех подобных номинантах. К мотивированным отнесем, например: э.л. *якстере пеке* (ЭРВ) «снегирь» (букв.: красный-живот), *якстере мештине* (РЭС) «снегирь» (букв.: красная-грудочка), *пижэ озяз* (ЭРВ) «синица» (букв.: зеленый-воробей), *ведьзий* (ЭРВ) «водяная блоха» (букв.: вода-вошь), *ведюнжа* (ЭРВ) «водяной жук» (букв.: водяной-жук); м.л. *вадяв коняне* (МРВ) «синица» (букв.: гладенький-лобик), *вермяштенья* (МРВ) «снегирь» (букв.: красная-грудочка), *шайнармонь* (МРВ) «кулик» (букв.: осока-птица), *c'okuška-l'evksk'e* (Паасонен) «соловьинок» (букв.: соловей-детеныш) и т. д.

Итак, исторически лексикализованные сочетания происходят от свободных словосочетаний. В мордовских языках их формирование отмечается как в литературных языках (мокшанском, эрзянском), так и в диалектах. Процесс понимания таких сочетаний влечет за собой более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Говоры населенных пунктов:

Б.Мрс. – Большое Маресево Чамзинского района РМ; *Блд.Зп.* – н. п. Булдыгино Zubovo-Полянского района РМ; *Врм.* – н. п. Вармазейка Большеигнатовского района РМ; *Всл.* – н. п. Васильевка Zubovo-Полянского района РМ; *В.Слц.* – н. п. Ва-

довские Селищи Zubovo-Полянского района РМ; *В.Снч.* – н. п. Верхнее Санчелеево Ставропольского района Самарской области; *Днк.* – н. п. Дудниково Теньгушевского района РМ; *Дрк.* – н. п. Дюрки Атяшевского района РМ; *Игн.* – н. п. Большое Игнатово Большеигнатов-

ского района РМ; *Кбв.* – н. п. Кабаево Дубенского района РМ; *К.Брд.* – н. п. Каменный Брод Красноармейского района Самарской области; *Кжл.* – н. п. Кажлодка Торбеевского района РМ; *Клв.* – н. п. Клявлино Клявлинского района Самарской области; *Клвд.* – н. п. Кельвядни Ардатовского района РМ; *Клс.* – н. п. Каласево Ардатовского района РМ; *Крв.* – н. п. Красный Воин Чамзинского района РМ; *Крг.* – н. п. Каргал Zubово-Полянского района РМ; *Л.Цбв.* – н. п. Лесное Цыбаево Темниковского района РМ; *Мл.* – н. п. Мокшалай Чамзинского района РМ; *Млс.* – н. п. Мельсетьево Теньгушевского района РМ; *Клм.* – н. п. Кульмино Чамзинского района РМ; *Ммл.* – н. п. Мамолаево Ковылкинского района РМ; *М.Мск.* – н. п. Мордовско-Маскинские Выселки Ельниковского района РМ; *Н.Всл.* – н. п. Новые Выселки Zubово-Полянского района РМ; *Нзв.* – н. п. Низовка Ардатовского района РМ; *Нск.* – н. п. Наскафтым Шемейшейского района Пензенской области; *Пкс.* – н. п. Пиксяси Ардатовского района РМ; *Прм.* – н. п. Пермиси Большеберезниковского района РМ; *Отр.* – н. п. Отрадное Чамзинского района РМ; *Рмз.* – н. п. Большие Ремезенки Чамзинского района РМ; *Рнд.* – н. п. Рындино

Порецкого района ЧР; *Сзз.* – н. п. Сузгарье Рузаевского района РМ; *Скв.* – н. п. Сакаево Теньгушевского района РМ; *Ст. Шл.* – н. п. Старые Шалы Ельниковского района РМ; *Сял.* – н. п. Лесные Ся-лы Темниковского района РМ; *Тми.* – н. п. Темяшево Шанталинского района Самарской области; *Трс.* – н. п. Тарасово Атяшевского района РМ; *Шрм.* – н. п. Шеромасово Теньгушевского района РМ; *Ч. Прмз.* – н. п. Черная Промза Большеберезниковского района РМ; *Шгв.* – н. п. Старое Шайгово Старошайговского района РМ; *Чкл.* – н. п. Чукалы Ардатовского района РМ; *Шгр.* – н. п. Шугурово Большеберезниковского района РМ; *Шки.* – н. п. Шокша Теньгушевского района РМ.

ИСТОЧНИКИ

Евсевьев – личный фонд М. Е. Евсевьева (ЦГА РМ. Р-267).
МРВ – Мокшень-рузонь валкс. М., 1998.
Поляков – Поляков О. Е. Касыксонь валкс. Саранск, 1998.
ЭРВ – Эрзянь-рузонь валкс. М., 1993.

Поступила 10.06.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бузакова, Р. Н. Тикшень валкс / Р. Н. Бузакова. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1996. – 144 с.
2. Виноградов, В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы семантики современного русского языка. – М., 1950. – С. 12–56.
3. Гребнева, А. М. Генезис, семантика и диалектная синонимика номинантов ягодной флоры мордовских языков // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 10 (66). – С. 53–57.
4. Гребнева, А. М. Структурно-семантические отношения компонентов в лексикализованных сочетаниях эрзянского языка // Актуальные вопросы финно-угорovedения и преподавания финно-угорских языков : материалы науч. конф., посвящ. 30-летию преподавания венгерской и финской филологии на филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (МГУ – КНИЦ, 27–28 марта 2001 г.). – М., 2002. – С. 161–168.
5. Гребнева, А. М. Флористическая лексика мордовских языков / А. М. Гребнева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1997. – 87 с.
6. Ефремов А. С. Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Ефремов. – Тарту, 1987. – 17 с.
7. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 112 с.
8. Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь. – М. : Рус. яз. : Дигора, 1998. – 920 с.
9. Поляков, О. Е. Касыксонь валкс : Шуфтонь, кусторксонь тишень и пангонь лептне мокшень кяльса / О. Е. Поляков. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1998. – 112 с.
10. Ракин, А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология : науч. докл. Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1977. – Вып. 2. – 52 с.
11. Ракин, А. Н. Этимология коми названий растений : науч. докл. Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1980. – Вып. 59. – 49 с.
12. Саберова, Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке / Г. Г. Саберова. – Казань : ИЯЛЯ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. – 129 с.
13. Сорокалетов, Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика. – Л., 1975. – С. 14–56.
14. Трубочев, О. Н. Из балто-славянских этимологий // Этимология / под ред. О. Н. Трубочева. – М., 1980. – С. 53–61.
15. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (Принцип семасиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
16. Цыпанов, Е. А. Причастие в коми языке : история, семантика, дистрибуция / Е. А. Цыпанов ; УрО РАН. – Екатеринбург, 1997. – 87 с.
17. Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь. – М. : Рус. яз. : Дигора, 1993. – 803 с.